

СОРОКОНОЖКА

А.В. ЗЕЛЕНИН,

кандидат филологических наук

Впервые это слово отмечено в словаре Д.Н. Ушакова с указанием, что оно употребляется в разговорной речи и приблизительно значит то же, что *многоножка*, *сколопендра*. Кстати, *сколопендра* в русском языке впервые отмечено также в словаре Д.Н. Ушакова. Очевидно, еще лет 60–70 назад наиболее употребительным было слово *многоножка*, а термин *сколопендра* – книжное, специальное, и словарь определяет его следующим образом: “животное из класса многоножек, укусы которого ядовиты”. БАС дает этому слову более детальное определение: “многоножка – наземное животное типа членистоногих, с червеобразным хвостом и большим количеством членистых ножек” (т. 6). В БПС также есть слово *сороконожка*, но без толкования, только с отсылкой на слово *многоножка* и с пометой разговорное. А вот уже в последних изданиях словаря С.И. Ожегова у слова *сороконожка* нет пометы *разговорное*. Это значит, что оно вошло в общий язык и является общепотребительным, нейтральным, выйдя за пределы разговорно-просторечной лексики.

Значит ли это, что раньше, до выхода этих словарей, слова *сороконожка* в русском языке не было? Нет, потому что в словаре В.И. Даля, вышедшем в XIX веке, его можно найти, но оно осознавалось вплоть до XX века диалектным. С начала же XX века *сороконожка* проникает из областной речи в городское просторечие. В XIX веке литературным, книжным эквивалентом ему было уже упомянутое *многоножка*. Последнее слово попало в словари также довольно поздно – не ранее середины XIX века. Однако в другом фонетическом и морфологическом облике – существительного *многоножка* и прилагательного *многоножный* – слово встречалось в памятниках южнославянской письменности.

В тексте “XII слов Григория Назианзина”, известном на Руси с XI века, встречаются *многоножные рыбы*. Это перевод греческого прилагательного *ton poliposon* (букв. – “многоногий”). В завезённой на Русь в XV веке южнославянской рукописи “Матица Златая” употребляется термин *многоножица* для перевода греческого *polipois* (*poli* – много, *pois* – нога, букв. – “много ног, многоногий”): “Есть оубо рыба, юже възывают многоножица” (есть рыба, которую называют многоножи-

цей). Как видим, значение слова не слишком прозрачно: переводчик перевел дословно (калькировал) незнакомую для него реалию и отождествил это многоногое насекомое с рыбой по месту обитания – море, вода. Таким образом, при помощи функционального переноса в славянском тексте появилось новое обозначение.

Однако в живом языке восточных славян эти слова были не употребительны из-за их искусственности и экзотичности, оставаясь только фактом книжного языка. Зоологический термин *полип*, повторяющий греческое *polipois*, был заимствован в русский язык только в начале XIX века в связи с проникновением научных терминов из европейских языков; в частности, последний термин заимствован из французского языка и впервые отмечается в “Новом словотолкователе...” Н. Яновского (1806. Ч. 3).

Близость между “многоногими рыбами”, которые упоминались в памятниках южнославянской письменности, и насекомыми, живущими в сырых, мокрых местах, несомненно существует – именно из-за места их обитания. Скорее всего восточные славяне обозначали таких насекомых словом *мокрица* (в укр. яз. – *мокриця*). Однако исконной мотивирующей базой восточнославянского обозначения служило не количество ножек (как в калькированном слове, повторяющем структуру греческого), а место обитания насекомого – мокрая, сырая среда. Возникнув в народном языке, слово испытывало колебания в ударении: оно могло быть на первом слоге – *мокрица* (ударение ориентируется на производящую основу; оно отмечено в словаре Нордстета 1780 г.) или на втором слоге – *мокрица* (действие словообразовательной модели с ударением на суффиксе *-иц-*; такое ударение отмечается в словаре Академии Российской 1793 г.).

Но в восточнославянской письменности были и другие названия для обозначения таких многоногих насекомых. Например, в рукописи XVI века “Заповеди святых апостолов и отцов” (в составе Дубенского сборника) можно было встретить слово *стонога* в значении “мокрица”. “Впаде мышь или стонога или жаба или сверчек” (появились мыши, и мокрицы, и жабы, и сверчки). Однако и это обозначение было только книжным, не употреблявшимся в живом разговорном языке восточных славян, и пришло оно, наверняка, из языка южных славян. Оно сохраняется в сербохорватском языке и сейчас.

Кроме того, во всех славянских языках существовало еще одно обозначение такого насекомого – *гусеница*. Уже в “Повести временных лет” (XI в.) есть запись: “Земли же согрешивше котореи любо, казнит Бог смертью, ли гладом, ли наведением поганных, ли ведром, ли гусеницею, ли иными казнями (страну же, народ, которые согрешили, наказывает Бог войной и мором, или голодом, или набегами язычников, или засухой, или нашествием гусениц, или другими наказаниями)”. Иные формы слова *гусеница*: *усеница* (Златоструй, XII в.), *юсеница* (Упыр.

1047 г.), *усенец* (Сбор. Волог. XV в.). Заметим, что среди этих форм *усеница*, *усенец* являются собственно русскими формами, а *юсеница* – старославянской, болгарской. Поляки называли это насекомое (гусеницу) словом *gąsienica* или *liszka*, чехи – *housenka*. Слово происходит от слова *ус*, т.е. гусеница – это насекомое с большим количеством усиков. Интересно, что в английском языке гусеницу называют *caterpillar*, это слово восходит к позднелатинскому *catta pilosa* “волосатая кошка”. Значит, когда-то это насекомое поразило человека именно обилием усиков, волосиков.

Итак, общеславянским названием многоногого насекомого было, скорей всего, *гусеница*. В составе памятников письменности, отражающих черты южнославянских языков, употреблялись и другие наименования *многоножица*, *многоножные (рыбы)*, *стонога*. Однако собственно восточнославянским обозначением было *мокрица*.

Но вернемся к калькированному слову *многоножка*. Поляки называют это насекомое *wij*, *wielonozki* (*wiele* – “много”, следовательно – “многоножка”), болгары – *скрипя*, сербы и хорваты – *стонога*, чехи – *stonozka*, литовцы – *simtakojis*, немцы – *Tausendfü(ß)ler*, англичане – *centipede* (в научном языке – *myriapod*), французы – *mille-pieds* (в научном языке – *myriapode*), шведы – *tusenfoting*, финны – *tuhattajalkoinen*. Здесь интересно отметить разницу в восприятии этого насекомого у разных народов: для некоторых это насекомое представляется многоногим, или стоногим (южные и западные славяне, англичане, литовцы), для других – тысяченогим (немцы, шведы, финны) или даже десяти тысяченогим (в научном языке у французов и англичан). Конечно, в современных обозначениях количественный момент наименования практически не осознается носителями языка, однако попытаемся проследить этот номинативный элемент в языковых ассоциациях восточных славян, в первую очередь русских.

Что такое *много* в представлении русского языка? Кажется, что под этим словом русские имели в виду те вещи, предметы или их части, достаточно мелкие по структуре или размеру. Ср. некоторые производные слова в словаре Даля: *множенка* (червь, нападающий на огородину), *многоголовчатое растение* (= *многоголовник*), *многолапчатый лист*, *многолепестковый цветок* (= *многолепестник*), *многоногое насекомое* (*многоног*, *многоножица*, *многоножка*), *многоройный улей*, *многоротые полипы*, *многостворчатый* (состоящий из нескольких створок) и многие другие. Однако все эти слова производят впечатление какой-то искусственности, неестественности для русского языка. Действительно, слов с корнем *много* закрепилось в русских говорах не такое уж большое количество. Чаще всего слова с этим корнем употреблялись в книжном типе языка. Число их было велико: особенно слов с абстрактно-моральной семантикой типа *многотерпеливый*, *многострадальный* или изредка в некоторых жанрах фольклора

(ср. фольклорно-диалектное слово *многоптица* – некая загадочная сказочная птица).

Другое представление о большом количестве выражалось словом *сто*. С ним у славян – и в частности у русских – связаны иные ассоциации. В.И. Даль дает одно из значений слова *сто*: “много, но неопределенно” (ср. толкование слова *многий* “великий числом, в большом количестве, избыточный, изобильный”). Приведем несколько примеров со словом *сто* из словаря В.И. Даля: *стоглавый змей*, *стоголовник* (вид чертополоха), *столицый* (лицемер), *стосил* (растение), *стоцвет* (один из видов ромашки), *стоног* (у Даля такое объяснение: “сочиненное название мокрицы), *стоножник* (у Даля: “сочиненное название папоротника”), *стоустая молва* и другие. *Сто* – как и *много* – так же трудно поддается счету, однако в нем уже нет идеи чрезмерно большого количества, избыточности, изобилия. Не случайно так много в русском фольклоре загадок, пословиц, поговорок с этим словом: *Сто одежек и все без застежек* (капуста); *На одного виноватого по сту судей*; *Служи сто лет, а не выслужишь ни ста реп*; *Не дал Бог сто рублев – а пятьдесят не деньги*; или типичные разговорные фразы: *У него сто причуд*; *У него сто пятниц на неделе*; *Сто раз ему говорено*.

Как видно из этих примеров, слово *сто* в русском языке ассоциировалось с числом, которое как бы представляет актуальный предел счета в обиходной, повседневной жизни обычного средневекового человека; иными словами, можно сказать, *сто* – это одно из чисел, которое входило в состав лексических средств, формирующих наивную языковую картину мира древнерусского человека. Однако все слова со *сто* книжные, переведенные или созданные по готовой модели. Вот почему В.И. Даль и дает некоторым словам пояснение *сочиненное*. В живом языке восточных славян сложные слова со словом *сто* были неупотребительны.

Еще одно слово со значением “очень много” – *тысяча*. С ним у славян были связаны представления о числе, с которым им не приходилось иметь дела в повседневной, будничной жизни. В.И. Даль приводит такие примеры: “Господь одним хлебом тысячи напитал (ассоциации с Евангелием, где говорится, что Иисус Христос кормил большое количество людей, слушавших его проповедь)”; “По сту на день, по тысяче на неделю (пожелание молотильщикам)”; тысячная красота (переведенное название растения *Amarantus*, в народе называемого *петушок-гребешок*, или *кошачий (лисий) хвост*), *тысячелистник* (растение *Achillea millefolium*, народные названия – *деревей*, *кровеник*, *крававник*, *серпорез*, *порез*, *грыжовник*, *рудометка*, *подбел*, *дикая греча*, *кашка*, *белоголовка*, *растиральник*, *сузик*, *гулявица*, *рябинка*); здесь видно, что *тысячелистник* – это калька с латинского *millefolium*); иносказательное обозначение – *тысячеглазый* (Аргус – в греческой мифологии многоглазый великан, приставленный для охраны дочери царя Ио). Во

всех этих примерах очевидна поэтическая, гиперболическая функция компонента *тысяча*: он призван создать преувеличенное представление о предмете.

Сложного слова с лексическим (гиперболизированным) элементом *тысяча* для обозначения насекомого у славян, очевидно, не было, в отличие от немецкого, английского и французского языков, которые заимствовали его из латинского.

Именно книжная основа происхождения *стоног* (*стоножник*), *многоног* (*многоножица*, *многоножка*) создавала предпосылки для образования других слов по этой модели. Так скорей всего по аналогии со словами *стоног* (*стоножка*) или *многоножка* в разговорном языке появилась и *сороконожка*. Слово *сорок* не является частотным для образования сложных слов в русском языке. Часть таких слов – кальки с греческого *сорокоуст* “сорокадневный молебен за упокой души умершего” (ср.-гр. *sarakosti*, в народном языке неверно сближенное с русским *уста*). Другая часть таких обозначений возникла, вероятно, в народном и диалектном языке: *сороконедужник* (растение, в народе также называемое *норица*, которая – как считали – помогает от сорока болезней), *сороконедужная* (один из видов мотылька), *сорокоприточная* (*сорокопритка*; растение, также используемое как лечебное средство). Конечно, число *сорок* здесь употреблено не в прямом значении, а в обобщенном, расширительном: “много или довольно много”. По крайней мере, использовано народно-церковное значение слова: по народно-медицинским представлениям (основанным на библейских и апокрифических легендах), у человека было около сорока болезней, появившихся в результате действия на него демонов, нечистой силы. Кроме того, как не вспомнить народно-метафорическое обозначение Москвы как города, в котором церковью *сорок сороков*.

Очевидно, в слове *сорок* отложились как старинные русские представления (например, о торговой единице счета беличьими и собольими шкурами, это его исконное, этимологическое значение), так и позднейшие семантические напластования, связанные с христианскими мотивами. В дальнейшем значение было обобщено – “довольно большое количество”. Вероятно, и в обозначении *сороконожка* отражается сформировавшееся представление о *сорока* как о довольно большом количестве. Проникновение термина *сороконожка* в разговорный язык города из диалектного именно в последние десятилетия XIX века и в первые XX было облегчено массовым заимствованием диалектизмов в городское просторечие в связи с переездом крестьян в город на заработки. Это лингвистическая (экстралингвистическая) причина актуализации слова.

Другая причина его популяризации – лингвистическая, а именно: привлечение народных слов с целью уточнить понятия зоологии. В конце XIX века слово *многоножки* употреблялось в зоологии в тер-

минологическом значении, например, в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона (1896. Т. 19 полутом А) научное определение. *Многоножки* (myriapoda) – класс суставчатоногих как членистоногих (Arthropoda)...”. Характерно, что термин *суставчатонogie* после этого словаря больше в русском языке не употреблялся, таким образом, он оказался “словом-однодневкой”. Это легко доказать. В том же словаре при слове *членистоногие* дается отсылка: “или суставчатонogie или Arthropoda” (Т. 28 полутом А). И далее: “Тип членистоногих в современном смысле был создан немецким ученым Зибольдом (von Siebold) в 1840-х годах”. Именно с немецкого слова *Gliederfü(ß)ler* и было калькировано слово *членистоногие* (нем. *Glied* – член (тела), *Fuß* – нога). До этого времени русские зоологи употребляли словосочетание *суставчатые животные* или – слово-монстр – *суставчатонogie*. С конца XIX века в научное употребление вошел термин *членистоногие*, который вытесняет прежнее обозначение *суставчатонogie*.

Когда словарь Д.Н. Ушакова определяет слово *многоножка*, он еще следует научному употреблению, идущему из XIX века: *многоножка* – животное из класса членистоногих. А вот какое определение и систематизацию этих понятий дает Большая Советская Энциклопедия: *членистоногие* (Arthropoda) – высший и самый обширный класс беспозвоночных животных (Т. 29); *многоножки* (myriapoda) – общее название четырех классов наземных членистоногих животных: губоногих, двупарноногих, симфил и пауропол (Т. 16). Как видно, термин *членистоногие* стал употребляться как специализированное название зоологического класса, термин же *многоножка*, преимущественно во множественном числе – важный признак перехода слова из общего языка в научный (!), – закрепил за собой значение общего названия некоторых групп, относимых к членистоногим.

В разговорном, обиходном языке последних десятилетий шло угасание слова *многоножка* и активизация слова *сороконожка*, которое уже воспринимается не как разговорное или просторечное, а вполне нейтральное. И уже не важна внутренняя форма слова и соответствие ее номинативной истине – “сорок ножек”. Именно образ насекомого с большим количеством ножек создает потенциальную базу для образования переносных значений слова. Пожалуй, сейчас только дети задаются вечным филологическим вопросом: если это сороконожка, действительно ли у нее “сорок ножек”?

Санкт-Петербург